

ЛИНИЯ судьбы

*Воспоминания
детей
«врагов народа»*

Десятый сборник

Нижний Новгород
2014

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4
Л-59

Л-59 **Линия судьбы.** Воспоминания детей «врагов народа». Десятый сборник. Составители – Фаворская И.М., Юдина Н.О. – Нижний Новгород: Издательская группа «ПРО СВЕТ», 2014. – 84 с.

Редактор – *Н.О. Юдина*
Дизайн и верстка – *В.В. Шеина*
Корректор – *Н.Н. Баранова*

Десятый сборник «Линия судьбы» содержит воспоминания родственников тех, кого в годы сталинских репрессий называли «врагами народа». В результате ложных обвинений многие нижегородцы были расстреляны или сосланы в лагеря для политзаключенных. На долю их детей и близких выпало немало горя и тяжелых испытаний. Но это не сломило потомков невинно осужденных. Каждая новая судьба авторов серии сборников «Линия судьбы», представленная вниманию читателей, – это достойный пример силы духа и мужества, веры в людей и заботы о своих близких. В книгу включен авторский указатель по всем десяти сборникам серии «Линия судьбы».

Сборник предназначен для молодого поколения нижегородцев.

© Государственно-правовой департамент Нижегородской области, 2014

Алевтина Михайловна БАРАНОВА

Я родилась 25 августа 1936 года в деревне Сонино Кстовского района Горьковской области. Мой отец Грушин Михаил Александрович родился в 1907 году.

В 1937 году его и моего деда Василия забрали из нашей деревни, а с ними – еще 14 человек, и никто из них не вернулся, всех расстреляли.

Нас осталось без отца 6 детей, мама седьмая, бабушка восьмая. Жили в большой нищете, ни обуться, ни одеться, в школу ходить было не в чем. Я пошла в школу лишь в 10 лет. Зимой нас мама в баню возила на санках. Закутает в одеяло, привезет, намочет, платьишко с меня и с других выстирает, над каменкой высушит и снова на нас надевает.

Есть было нечего, голодали очень сильно, мама меняла свою одежду на хлеб. Как мы выжили, неизвестно! Учиться мне долго не пришлось. Сумела закончить 7 классов.

В 1953 году началось строительство завода в Кстове. Я выучилась на штукатурка и маляра. Много лет строила жилые дома, завод, работала на строительстве оперного театра и театра драмы. Сейчас на пенсии, инвалид 2-й группы.

Инна Николаевна ДУГИНА

В мае каждый день в радость – с первыми грозами, пенным цветением садов, щелканьем соловья в городском парке. Для меня же 20 мая – время печальных воспоминаний и скорби.

В этот день в 1917 году родился мой отец в семье юных офицера и учительницы. А страна уже сползла в хаос и гибельную разруху революции. И подпоручик Иван Федорович Дугин, записавшись в армию добровольцем сразу после окончания Харьковского университета осенью 1914 года, ушел на фронт защищать отчизну, оставив жену с младенцем на руках и не зная, увидит ли он их вновь. Но Господь хранил его. Он был лишь ранен где-то под Ригой. И вернулся к семье, и вместе они прошли все горькие испытания Гражданской войны, во время которой Иван Федорович потерял любимую сестру Полину. Она была сельской учительницей и в 24 года погибла в родной Даниловке под Харьковом. Мать молила о помощи. И он бросился к ней, в Даниловку, где и был арестован как бывший офицер. Но односельчане вступились за него, дав показания, что братья Дугины не участвовали в карательных операциях армии Деникина.

И снова семья в Нижнем Новгороде. Родился второй сын Саша, родители счастливы в детях своих, любят друг друга так сильно и преданно, что эта любовь поможет моей бабушке, Екатерине Ивановне Дугиной, спасти не мужа, но добрую память о нем как человеке честном, любящем свою Родину. Он не

Николай Иванович Дугин с женой, братом, сыном
и племянником, 1945 год

покинул в годы лихолетья страну, в которой его назвали врагом народа и арестовали в декабре 1937 года. Жестоко мучили. И расстреляли в новогоднюю ночь отца двух сыновей, студентов медицинского института. Умницу, верного друга, никого не оклеветавшего во время следствия.

Мой отец Николай Иванович Дугин всю жизнь не мог забыть эту трагедию, не мог говорить об отце, не мог смириться с этим горем. В семь лет мой папа потерял ногу, когда попал под трамвай, спасая младшего брата, вытолкнув его из-под колес. Родители сумели сделать ему протез, и в 14 лет он катался на лыжах и велосипеде, а в 1940-м году окончил мединститут и стал главным врачом сельской больницы, отвечая за жизни сорока тысяч человек – населения большого района. А мать его осталась в маленьком деревянном домике, расположенном на

улице Минина, на этом месте теперь угол здания Технического университета.

Бабушка работала в областном отделе народного образования заведующей сектором детских домов Горьковской области. Однажды она получила предписание из Москвы: дети соратника В.И. Ленина Шляпникова Александра Гавриловича, Юрий и Ирина, должны быть распределены в разные детские дома под другими фамилиями, чтобы потом не могли найти друг друга. Но бабуся моя любимая все сделала по-другому. Она спрятала детей под свое крыло, они даже поступили в университет на химический факультет.

А в 1960 году мы с бабушкой ездили в Москву к вдове Шляпникова (он тоже был расстрелян).

Я хорошо помню двух старых женщин, в чем-то так похожих, они сидят в затемненной комнате и долго разговаривают, а мы с Эдиком, сыном Ирины, играем во дворе в бадминтон, диковинную для меня игру. Мне все кажется таким необычным, из какой-то другой жизни: огромные каменные дома, лифт, вестибюль с консьержкой. Моя-то семья жила в деревянном бараке без удобств, 7 человек на 18 метрах, хотя родители мои были врачи. Папа работал рентгенологом в больнице железнодорожной станции Сортировочная в г. Горьком. Я до сих пор вспоминаю, как мы там размещались. Кровать родителей находилась в закутке за деревянной перегородкой. Чтобы удобнее было спать, на ночь они подставляли два стула, на них клали широкую доску, темную, шершавую, застилали ее и так спали. Моя кроватка стояла в комнате у обеденного стола. Там спала моя незабвенная няня Любушка, спасенная родителями в 1942 году от гибели на торфоразработках, куда ее загнали сразу после раскулачивания ее семьи, в которой было девять человек детей. Рядом на диване спал мой старший брат Саша, тоже ставший врачом. А приемные родители мамы, удочерившие ее после смерти родителей от туберкулеза, спали в прихожей, дед на сундуке, бабушка – рядом на полу.

Больше в Москву мы не ездили: бабушка ослепла окончательно. А я стала ее поводырем. Мы даже ездили с ней в Та-

Дом бабушки Е.И. Дугиной на ул. Минина

ганрог к тете Лиде, девочке из детдома, которая считала себя приемной дочерью бабушки. Моя родная, строгая и любящая бабуся, прости меня. Я не понимала многого в твоей и папиной жизни. Не знала, как ты билась за доброе имя деда. Ездил в Даниловку, писала во все инстанции, доказывая невиновность мужа. И в 1957 году благодаря тебе деда реабилитировали. А через несколько лет тебе дали однокомнатную квартиру на улице Заломова на седьмом этаже (роковом седьмом этаже). Эта квартира была дана за жизнь деда.

Но тот маленький домик в три оконца на улице Минина остался в моей памяти навсегда. Благодаря твоим хлопотам он был таким теплым и уютным. Печка всегда побелена, постельное белье – белоснежное, накрахмаленное, хотя воду ты носила из колонки, которая находилась на другой стороне улицы. Ты часто варила настоящий украинский борщ, делала пельмени. Мы любили гостить у тебя. Я носила воду из колонки, слушала радио – это была черная тарелка на стене, рассматривала модель колесного парохода, на котором плавал по Волге твой

дядя, а потом засыпала в автобусе, и папа нес меня на руках домой. И мне не хотелось просыпаться, так было хорошо. Я до сих пор помню запах сыроватых дров в твоих сених, звук колокольчика в прихожей, твои руки с чернильным пятнышком на правой ладони между вторым и третьим пальцем. Я думаю, что ты помогала моей маме, когда она осталась главным врачом вместо папы в 1941 году. Его мобилизовали на фронт, где он служил начальником отделения эвакогоспиталя. Папа был награжден двумя медалями и вернулся домой, когда ситуация на фронтах изменилась к лучшему, а вот мамина подруга, тоже мобилизованная вместе с папой, погибла от разрыва авиабомбы прямо во время операции.

И папа, и бабуся после войны вступили в партию, так им было рекомендовано, чтобы подтвердить, что нет у них обид на советскую власть за гибель мужа и отца. Я поступила в университет им. Лобачевского на историко-филологический факультет, потому что хотела быть похожей на бабушку, хотела так же учить детей, помогать им. 27 лет я проработала в школе, каждый день входя в класс с волнением и радостью. Дети платили мне тем же, нам было весело и легко познавать и русский язык, и литературу. Дети так слушали меня, такая тишина стояла в классе, что замирало сердце мое от счастья. А по утрам у дверей школы ждали меня мои милые пяти- и шестиклассники. Никогда я не думала о деньгах, зарплате, пенсии, была рада, что у меня есть любимая работа. А вот теперь с пенсией в 6500 рублей, имея на руках мужа – инвалида первой группы, жить очень тяжело из-за глубокой обиды, что так государство оценило мой труд. Многие мои ученики поступили в вузы без репетиторов; среди них есть врачи, учителя, военные, инженеры, шоферы, бизнесмены, а главное – они хорошие, сердечные люди.

Бабуся предрекала мне, что я повторю ее судьбу. И я радовалась, что стала учительницей, как она. Но в 1975 году скоропостижно умирает мой отец. Близился страшный 1977 год. В этот год была и радость: у меня родилась дочка Наточка. Ей был всего месяц, когда позвонила бабуся, и впервые я услышала от

нее жалобы. Даже когда умер папа, она выдержала этот удар, хотя жила уже не с нами, а там, на этом проклятом седьмом этаже, в семье своего младшего сына. Он поменял однокомнатную квартиру бабуси на трехкомнатную на улице М. Горького и забрал ее к себе. И вот ее последние слова: «Мне так плохо здесь. Он отключает телефон, не пускает ко мне друзей, хочет опять положить меня в больницу». А ведь она была уже двадцать лет слепа на оба глаза. Я слушала и не понимала происходящего. Мне казалось все обычным недовольством, временной размолвкой с сыном. Но 20 мая, в день рождения моего папы бабуся поставила скамеечку к окну, открыла створку и шагнула вниз...

С тех пор я мучаюсь неизбывным чувством вины и горя. Двадцатого мая этого года я поставила памятник бабушке и деду. Из глубины черного камня смотрят на меня такие молодые, такие красивые дед и бабушка, а на другой стороне памятника – икона Казанской Божией Матери и надпись: «Преподобная мати Мария, моли Бога о нас».

Лариса Алексеевна КАЛУГИНА

Дедушка мой Леонтий Евдокимович Тимофеев, крестьянин-старовер, жил со своей многодетной семьей в деревне Покровский Яр Агинского района Красноярского края. Хозяйство имел крепкое: лошадей, коров, прочую живность. Трудолюбная семья было не занимать. Летом все работали в поле от рассвета до заката. Кроме того, заготавливали сено, дрова. Зимой занимались охотой.

Бабушка Пелагея Ивановна родила двенадцать детей. Правда, выжило из них только шестеро. Занималась бабушка детьми, домом, скотиной, огородом. Летом бабушка с детьми собирали ягоды, грибы. Зимой лепили пельмени мешками – семье и охотникам. Девочки к выходным вениками драили некрашеный пол до белизны. Маму мою, Мусю, уже в пятилетнем возрасте сажали на лошадь, которой она правила. А ее папа шел следом с лемехом, пахал землю. Благодаря бесконечным трудам своим жили они небедно. Наемной рабочей силы у них не было, управлялись своей семьей. На таких людях держалась наша сельскохозяйственная страна. Но пришли лихие времена, когда в чести оказались люди другие, а истинные труженики объявлялись кулаками. Их арестовывали, ссылали, расстреливали, уничтожали как класс.

Однажды дедушке шепнули, что его нынче ночью арестуют. Откуда дедушка знал, что за тысячи километров от Сибири, под таким далеким Владивостоком есть бухта Преображение? Неизвестно. Но только той же ночью с тремя старшими сыно-

вьями дедушка поскакал в эту бухту. А бабушке велел собрать нехитрый скарб в телегу, усадить сверху младших, а самой со снохой, моей мамой, пробираться пешком туда же. Трудно даже представить, как тяжело им было оставлять дом, скотину, все нажитое.

Путь на Дальний Восток был длиною почти в год. Шли они через глухую тайгу, мимо озера Байкал, сплавлились через реки. Сколько же страху натерпелись они одни, без мужиков. В пути у бабушки умерла младшенькая доченька Любочка. И все же они добрались до этой

Пелагея Ивановна Тимофеева

бухты! Семья воссоединилась. Дедушка с сыновьями уже работали в рыболовецком хозяйстве, жили в комнате барака. И, хотя это был не просторный деревенский дом, срубленный собственными руками, все как-то разместились. Детишки пошли в школу, бабушка занималась домашними делами и благодарила бога за то, что закончились их мучения. Старшие дети подросли, окончили семилетку и уехали во Владивосток. Сыновья Федор и Степан стали моряками, женились. У них родились мои двоюродные братья. Мама моя поступила в техникум иностранных языков, вышла замуж за моряка. В 1938 году родилась я. Казалось, что жизнь наладилась. Но если бы знала бабушка, чем все закончится...

Дедушка имел неосторожность поделиться с кем-то своими мыслями о жизни. На него донесли. Арест не заставил себя ждать. Началось следствие, в ходе которого выяснилось, что дедушка был раскулачен в Сибири и сбежал, а семья уехала следом. В результате дедушка был осужден по статье 58.10.41 УК РСФСР и по совокупности преступлений расстрелян. Ба-

Мария Леонтьевна Тимофеева
с дочкой Ларисой

Степан Леонтьевич
Тимофеев

бушке со снохами и малолетними детьми было предписано в 24 часа покинуть приграничный Приморский край. И снова – во второй раз – было брошено все нажитое...

Решили вернуться к родным в Сибирь. Впереди опять была длинная дорога, правда, ехали уже по железной дороге, в теплушке. Моим братишкам, Гене и Юре, было 5 лет и 2 месяца. Мне – полтора года. Маме было очень страшно, невесткам тоже. Мой папа в это время был в море. В бухту Преображение мы больше не возвращались. Когда было дозволено, в 1945 году вся семья переехала во Владивосток. Я пошла в первый класс, не с портфелем, а с сумочкой, которую сшила мне мама сама. Уроки по письму мы делали на газетах при свечах или керосиновой лампе. Все в памяти хранится, как будто было вчера. Помню, как покупали хлеб по карточкам. Как продавщица отрезала хлебушек по маленькому кусочку и взвешивала каждый. И еще как однажды я потеряла карточки (к счастью, за несколько дней до отмены карточной системы). Помню, как по улицам водили пленных японцев на работу, на головах у них были ушанки-малахаи. Это был год окончания Великой Отечественной войны и начало войны с Японией. Прекрасно

помню черные шторы на окнах, «зенитки» на ближайших сопках, дирижабли в небе. Помню, как страшно было оставаться одной ночью в темной квартире, когда мама уходила на ночное дежурство (следила за фугасными бомбами и тушила их). Во дворе было вырыто бомбоубежище. Накануне войны летом на даче, куда мы уехали с детским садом, нас одевали ночами и выводили в лес, так как рядом находился аэродром и все боялись внезапных налетов японских самолетов. Как-то в августе детишек собирали по квартирам, чтобы отвезти в тайгу. Меня мама спрятала в гардероб и не отдала.

Школу я окончила в 1955 году и поступила в педагогический институт, который вскоре стал Дальневосточным государственным университетом (ДВГУ). По окончании пришла работать на телевидение. В моем дипломе было написано: «филолог, преподаватель русского языка и литературы». Вскоре я вышла замуж за горьковчанина и вместе с ним в 1964 году переехала в Горький (сегодня – Нижний Новгород). Здесь тоже пришла на телевидение, которому отдала почти четверть века. Все это время я работала в общественно-политической редакции – самой ответственной и серьезной. Последние одиннадцать лет перед пенсией работала в Горьковском научно-исследовательском институте радиотехники (ГНИИРТе), где по заданию руководства создала музей истории института и стала его директором. Вырастила сына и дочь. Сейчас у меня три внучки и 17-летний правнук – одиннадцатиклассник.

После принятия закона о реабилитации жертв политических репрессий благодаря хлопотам моей мамы Тимофеев Леонтий Евдокимович был реабилитирован. Все члены нашей семьи всю жизни скрывали свое прошлое, не рассказывая ничего нам, подросшим детям. Иначе мы не смогли бы получить высшего образования. Там я узнала историю своей семьи только в 60 лет.

Надежда Ивановна КИЧА

Я родилась 25 апреля 1941 года в Казахстане, в семье репрессированных. Отец мой Щукин Иван Сергеевич родился в 1915 году в селе Елань Саратовской области. В годы сплошной коллективизации семья Щукиных была признана социально опасной по классовому признаку, раскулачена и выслана на территорию Карагандинской области.

Архив УВД по Карагандинской области не располагает данными спецпоселенцев, так как эта категория граждан была снята с учета в 1948 году, после чего личные дела без сдачи в архив были уничтожены бывшим отделом спецпоселений УМВД по Карагандинской области, и поэтому там никаких актов и списков не найдено. И только Государственный архив Саратовской области выслал мне архивную справку, где в именном списке кулацких хозяйств, утвержденных районной особой комиссией к ликвидации по Еланскому сельсовету за 1930–1931 гг., есть и мой дед – Щукин Сергей Федорович. В списке лиц, лишенных избирательных прав по Екатериновскому району, значатся:

Щукин Федор Гаврилович – 70 лет

Щукин Сергей Федорович – 45 лет

Щукина Мария Павловна – 44 года

Щукина Елена Сергеевна – 20 лет

Щукина Анна Сергеевна – 18 лет.

Остальные дети: Николай Сергеевич (1912 г.р.), Иван Сергеевич (1915 г.р.), Мария Сергеевна (1922 г.р.), Александр Сергеевич (1926 г.р.) не указаны в связи с несовершеннолетием. Описи конфискованного имущества не имеется.

Обидно, что свои же односельчане писали доносы на зажиточных крестьян.

Всех раскулаченных везли в скотских вагонах, было очень душно и тесно. Привезли в Карагандинскую область летом. В голой степи сразу же стали рыть землянки, а к осени начали строить бараки. Все спецпоселенцы отмечались в комендатуре, их ограничили в гражданских правах по перемещению, по выбору места жительства. Местные жители в аулах презрительно называли раскулаченных «спецпереселенец».

В это же время раскулачили семью моей матери, Побежимовой Ольги Арсентьевны, 1917 года рождения, из села Грачевка Оренбургской области. Она была выслана с родителями (папа – Арсений Побежимов, мама – Матрена Побежимова).

Было очень тяжело, но переселенцы – люди очень трудолюбивые, как и раньше, держали скот, овец. Приходилось много работать и летом, и зимой – чесать шерсть, прясть, вязать, ткать полотно. На новом месте не оказалось врачей, поэтому люди болели и умирали. Начался тиф, моя мама переболела тифом и чудом осталась жива. Людей не хоронили, а бросали в вырытую яму, и пока она не заполнится трупами, не закапывали.

Мама рассказывала, как родители послали ее к этой яме, чтобы найти умершую тетю, и среди трупов она нашла ее по одежде. Потом тетю похоронили отдельно. Отец вспоминал, как однажды в землю закапывали шубусо вшами и земля шевелилась. Я слушала и просто содрогалась от всего услышанного.

Спали в бараках на соломе, с одной стороны девчата, с другой – ребята. Семьи моих родителей были верующими, по воскресеньям всегда ходили в храм, а там храмов не было. И когда весной пришла пасха, а для праздника ничего нет, мой дед Арсений Побежимов, который в России был певчим в церкви, умер от разрыва сердца.

Мой отец и дед Сергей Федорович работали на строительстве железной дороги. Зимы были морозные, ноги примерзали к сапогам. И в течение года умерли дед Сергей Федорович, бабушка Мария Павловна, тетя Елена Сергеевна. Умерли и ро-

дители моей мамы, Арсений и Матрена Побежимовы. Мои родители остались сиротами.

Постепенно начали создавать поселения, совхозы. Маму взяли в бригаду трактористов готовить им пищу. Отец стал работать шофером, возил землемеров. В 1936 году мои родители поженились. Когда началась война, мне было 2 месяца. Отец стал собираться на фронт, но потом ему дали бронь, и он остался работать шофером в совхозе № 1 Тельманского района. Брата отца Щукина Николая Сергеевича в 1942 году взяли на службу в ряды РККА рядовым.

В 1989 году в газете «Индустриальная Караганда» были напечатаны списки пропавших без вести в Отечественной войне, призывавшихся Кировским РВК, где за № 561 числился Щукин Николай Сергеевич 1912 года рождения, уроженец села Елань Саратовской области. До призыва он работал кузнецом на шахте № 1-БИС г. Караганды.

Жили мы с семьей в совхозе № 1, мама была домохозяйкой, воспитывала пятерых детей. В 1937 году родилась моя сестра Валентина, в 1939 году – Раиса, в 1941 – я, в 1944 – Виктор, в 1947 – Николай. Жизнь была трудная, убогая. В совхозе жили люди разных национальностей: западные украинцы, немцы, корейцы, чеченцы. Всегда хотелось кушать, помню, какие-то горькие лепешки ели. В нашей степной зоне не было ни яблок, ни ягод, только на сопках собирали заячью капусту, дикий чеснок. Чай заваривали шалфеем, который находили в стогах сена. Основная еда – это картошка, капуста, да в огородах выращивали огурцы и помидоры. Помню, сахар купят, нам всем пятерым на деревянный стол мама насыплет по столовой ложке, и мы макаем в сахар хлеб. До сих пор я ощущаю этот вкус. А на улице бегали с куском хлеба, посыпанным солью. Утварь в доме – стол, лавки да кровати с досками, а на них матрасы, набитые соломой. И все. Обувь летом состояла из тапочек, сшитых из брезента, но в основном ходили босиком. Есть у меня фото первого класса, так там дети сидят кто босиком, кто в порванных тапочках. Сумки, с которыми ходили в школу, были холщевые. Игрушек у нас в

Семья Шукиных, 1957 год

доме вообще не было – на улице собирали лоскутки материи и делали из них кукол.

Недоедание отразилось на здоровье моего отца. Лечение не помогало, болезнь была запущена, и он умер рано, в 57 лет. Поэтому учиться пришлось заочно. Поступила в 1962 году в педагогический институт. Старшая сестра Валентина после 7 классов пошла в педагогическое училище, работала учителем начальных классов. Раиса стала экономистом, братья Виктор и Николай поступили в Ташкентский институт связи и работали связистами. Во время учебы им приходилось трудно, родители помочь не могли, поэтому они по вечерам работали грузчиками. Я тоже после 10 класса уехала работать учителем в малокомплектной школе за 100 км от города. Взяли без образования, тогда учителей не хватало. Там была одна – и за директора, и за завхоза. Света не было, радио – на батарейках (это был 1958 год).

Через два года я вернулась, чтобы учиться. В 1966 году окончила Карагандинский педагогический институт по специальности «преподаватель истории и обществоведения». Работала учителем 37,5 лет. Дважды избиралась депутатом Октябрьского

Сестры Н.И. Кича –
Валентина, Раиса, Надежда

районного Совета. Опыт моей работы был обобщен в области, меня наградили Почетной грамотой министерства образования Казахской ССР. В 1966 году вышла замуж. Выростила троих детей. Сын Игорь работает сейчас в Караганде бортинженером, летает по Казахстану, дочь Татьяна (Склярова) окончила институт, работает в Ростелекоме в Нижнем Новгороде, сын Павел работает на заводе ПЗРА. У меня шестеро внуков.

Мы всегда стремились попасть на родину своих предков, а родители так и не смогли вернуться на прежнее место. СССР распался, условия в Казахстане изменились, газа не стало, свет отрезали, люди из девятиэтажных домов готовили пищу на улице на кострах. И стали все разъезжаться. Немцы – в Германию, русские – в Россию.

После учебы мы жили в разных местах. Брат Виктор – в Туркмении, Николай – в Киргизии, сестра Раиса – в Таджикистане, а я с Валентиной – в Казахстане. После распада СССР мы вряд ли смогли бы видеться. Поэтому решили собраться вместе и в 1998 году переехали в Россию. И сейчас вся моя семья живет в одном городе – Балахне.

Братья работали в Балахнинском доме связи. Николай был директором, а Виктор – инженером. Николай стал почетным гражданином г. Балахны. Сейчас все на пенсии, никто уже не работает. В день памяти репрессированных 30 октября у нас проходят митинги у памятника жертвам репрессий. И каждый год мы приходим к мемориалу всей семьей, с детьми и с внуками.

Валентина Федоровна КОЗЛОВА

Трагедия нашей семьи началась с середины двадцатого столетия. Коснулась она миллионов людей в России, которым пришлось пережить Первую и Вторую мировые войны, Октябрьскую революцию и самое жестокое, самое страшное время сталинских репрессий 30–40 гг.

Репрессии не обошли стороной и нашу семью. В сентябре 1937 г. был арестован и необоснованно обвинен по 58-й статье мой папа Маркевич Федор Евдокимович. Папа родился в 1900 году на станции Аблукатан Читинской области, где родилась и мама. Там прошло их детство, началась взрослая жизнь. Там они создали семью, и на свет появились четыре девочки: Люба, Нина, Анна, Лида. А в 1932 году судьба забросила их в Читу. Папа работал на мясокомбинате, а затем его назначили директором филиала мясокомбината на ст. Сохонда, где в 1934 году родилась я, а в июле 1938 года еще одна, шестая, сестра Галя.

Когда папу арестовали, мне было четыре года, а Гале два месяца. Я, конечно, смутно помню то утро, топились русская печь, и, обнявшись с мамой, сидели у огня старшие сестры и плакали. Мне сказали, что арестовали папу. За что? Искали огнестрельное оружие и, конечно, ничего не нашли, хотя перерыли весь дом и двор. А потом вспоминаю тот же день, вокзал, товарный вагон с решетками на окнах, и там наш папа и еще несколько мужчин, арестованных в ту же ночь (никто из них не вернулся).

Это все, что осталось в моей памяти.

Валентина Козлова

24 декабря того же года папа был расстрелян. Осталась мама, ей было 38 лет, с шестью малыши детьми. Старшей было 17 лет, младшей 2 месяца. Мама была благодарна одному человеку, который не принял у нее очередную передачу папе и отдал ей одежду и обувь. Мама спросила, в чем он останется, на что он ей ответил что ему уже одежда не понадобится, его судил военный трибунал, а это значит 25 лет тюрьмы или расстрел. А маме он посоветовал здесь

больше не появляться, жить тихо и воспитывать детей. Что и сделала моя мудрая мама. Как ей это удавалось, можно представить, но мы не оказались ни на Соловках, ни в детских домах. Она в одиночестве вырастила и воспитала нас всех.

Образования мы высшего не получили, для нас, детей врага народа, двери учебных заведений были закрыты. Средняя школа – потолок. Старшие две сестры во время Великой Отечественной войны были отправлены в школу ФЗО, а потом работа на железной дороге, где они потеряли все свое здоровье.

Люба ушла из жизни в 51 год, а Нина – в 55 лет. Я после школы все-таки поступила в дошкольно-педагогическое училище, но окончить его мне было не суждено. В 51 год у мамы случился инсульт, а так как в семье я осталась старшей, то была вынуждена бросить учебу на последнем курсе. Старшие сестры все были замужем, у всех были свои заботы. Я как могла управлялась с хозяйством и ухаживала за мамой и младшей сестренкой. Мама осталась жива и прожила до 79 лет.

А дальше на моем пути встретился замечательный человек, курсант военного училища. И хотя мне было всего 18 лет, я вышла за него замуж с благословения моей мамы. После училища мы уехали служить на остров Сахалин. Там я окончила

Мама и сестры В.Ф. Козловой

медицинское училище и стала работать в областной больнице. На Сахалине у нас родилась дочь (ей сейчас 60 лет, она врач).

А в 1961 году после демобилизации мужа из рядов Советской Армии в звании капитана мы приехали в Горький. Муж поступил в университет на историко-филологический факультет, который окончил с успехом. А я пошла работать в детское отделение областного противотуберкулезного диспансера, где проработала 42 года, из них 30 лет старшей медсестрой, имея высшую категорию. Общий медицинский непрерывный стаж у меня 47 лет. Работала я до 70 лет, ушла на отдых, чтобы помочь внучке с маленькой правнучкой, так как внучка после окончания института поступила в аспирантуру.

У меня двое внуков и трое правнуков. Я горжусь своими детьми и внуками. У них прекрасные семьи. Внучка – врач, внук окончил институт железнодорожного транспорта, работает в управлении железной дороги. С мужем мы счастливо прожили 57 лет. Он был ветераном Великой Отечественной войны и умер в 2009 году на 84-м году жизни.

Но вернусь к судьбе папы. Он был полностью реабилитирован Читинским областным судом 27 июня 1957 года. С личным делом папы была ознакомлена самая младшая сестра, которая вообще не видела отца, ведь ей было всего 2,5 месяца, когда его арестовали. Его фотография в личном деле повергла сестру в ужас, она даже потеряла сознание. С ее слов, это был 38-летний старик – видимо, после допросов и пыток.

Нас всех судьба разбросала по разным городам страны, а Галя живет совсем рядом с тем местом, где был расстрелян папа. Это ст. Домна в 20 км от Читы. На месте расстрела папы и других несчастных людей – братская могила и мемориал. Галя каждый год посещает это место.

Сейчас я не имею возможности побывать на родине по возрасту и состоянию здоровья. Одна за другой ушли из жизни четыре старшие сестры. Остались мы вдвоем с Галей. Мне 80, а Галке 75 лет. В основном общаемся с ней по телефону.

Кстати, человек, если его можно назвать человеком, уже после реабилитации папы, будучи смертельно больным (у него был рак), почти приполз, со слов мамы, к ней в дом и просил у нее прощения, сказал, что это он написал донос на папу. Мама его, конечно, не простила. В это время она стояла у плиты с кастрюлей кипятка и, чтобы не брать греха на душу, попросила его удалиться: «Я за себя не ручаюсь, вылью на тебя этот кипяток. Ты думал тогда, когда оставлял сиротами шестерых детей?»

Вот вкратце все, что я могла вспомнить и написать о нашей нелегкой жизни. Главное – мы вышли из ада победителями.

Вера Игнатьевна КОЛБАСОВА

Я родилась в 1929 году в деревне Михайловка Уярского района Красноярского края. Отец мой Игнатий Гаврилович Щербаков (1889 г.р.) работал плотником. Мама Таисия Максимовна (1901 г.р.) была домохозяйкой. Семья у нас была большая – 11 детей, но трое умерли в детстве. Мама была награждена медалью «Мать-героиня».

В ноябре 1937 года арестовали отца и всю его бригаду. Постановлением «тройки» УНКВД Красноярского края от 04.12.1937 г. по политическим мотивам отец был осужден на 10 лет лишения свободы. А мама, беременная, осталась с нами. В мае 1938 года она родила двойняшек. Нас стало восемь человек. Мы жили все вместе, пока не началась Великая Отечественная война. Старший брат ушел на фронт. Сестра вышла замуж и ушла из семьи к мужу. Нас у мамы осталось шестеро.

С братом Степаном мы ходили в школу за 5 километров. Учились мы в разные смены, поскольку обувь у нас была одна на двоих. Мама, как мать-героиня, получала некую сумму, на которую она нас, как могла, одевала и обувала. Спасал огород. Нам, старшим, доставалось во время войны! На станцию Баллай, где мы жили, эвакуировали кирпичный завод. В 13 лет я пошла на него работать формовщицей. Мы делали формы для снарядов. Работа была очень тяжелая. Мы, малолетки, неделю работали на заводе, а в субботу и воскресенье отправлялись в колхоз убирать хлеб. Мы с девчонками не знали, как его убирают, а нужно было жать серпом и вязать снопы. Женщины,

Таисия Максимовна
и Игнат Гаврилович Щербаковы
(сидит слева)

которые с нами работали, всему нас учили. Мы и сено сгребали, в копны складывали. Осенью ездили в колхоз копать картошку, морковь, свеклу. Бывало, что шел снег, мы мерзли, но копали. Женщины нас жалели. Работали мы без трудовых книжек. Их выдали только в 1945 году, когда нам исполнилось 16 лет.

Все лето и осень мы трудились без выходных, а зимой ходили в школу. Мы приходили из школы и ехали в лес за дровами, а уроки было некогда учить. Я закончила 8 классов. В 1948 году сестра Шура завербовалась работать на Сахалин, где и вышла замуж. Через три года я тоже уехала к ней в Углегорск и устроилась на бумажную фабрику. Позже меня пригласили работать в ЗАГС. Там я и познакомилась со своим мужем. Мы с ним уехали жить в Корсаков Сахалинской области. Муж работал учителем, а я пошла работать официанткой в ресторан. На Сахалине я прожила 10 лет. Там у меня родилась дочь.

В 1961 году мой брат Федор позвал нас жить в Норильск Красноярского края, где он работал на руднике. Четверть века я жила в Норильске, работала кассиром в кинотеатре им. Ленина. Когда вышла на пенсию, переехала в Тульскую область, где прожила 20 лет. Работала кладовщиком на фабрике и в детском саду. Дочь осталась в Норильске. Там она вышла замуж. У нее двое детей. После выхода на пенсию дочь переехала в Кстово и в 2007 году перевезла меня к себе.

Бригада кирпичного завода ст Балай Красноярского края 1945 год

Мой трудовой стаж 40 лет. Мне было присвоено звание «Ветеран труда СССР», но звание ветерана Великой Отечественной войны («Труженик тыла») я не получила, так как в 90-е годы уже не было в живых старших товарищей, с которыми я работала с 13 лет. Из большой семьи на сегодняшний день нас осталось двое: я и сестра Валя. Меня реабилитировали в 1998 году. Отца с 1937 года мы не видели. Он сидел в Чите. С началом войны его отправили на фронт. Поезд, в котором он ехал, проходил через станцию Балай. Мама его увидела. Он успел ей сказать, что их везут на фронт, но куда, он не знает. Маме пришла похоронка, в которой было написано, что он погиб в боях за Волгу. Мы до сих пор не знаем точно, где он погиб. Отец реабилитирован в 1959 году.

Эльвира Александровна КУВАКИНА

Мой отец Александр Михайлович Кувакин родился 22 декабря 1911 года в селе Слободское Горьковской области в семье служащих – потомственных волгарей. Его отец Михаил Иванович работал на водном транспорте сначала матросом, затем капитаном на линии Нижний Новгород – Васильсурск, а позднее диспетчером Волжского пароходства. Александр Михайлович рано потерял отца. Его мать Евдокия Михайловна после смерти мужа работала кассиром на дебаркадерах.

После окончания школы в 1927 году Александр Михайлович стал работать в Райкомводе курьером, а затем перешел на работу экспертом Волжского речного пароходства. В сентябре 1930 года поступил в Речной техникум г. Горького, в мае 1932 года по спецнабору призван в Красную армию. Через год был демобилизован и продолжил учебу. В 1935 году окончил техникум по специальности «техника судомеханика».

До начала Великой Отечественной войны работал по специальности в Волжском пароходстве, на заводе «Новая Сосна», в ЦКБ-51, на филиале завода им. Орджоникидзе. В сентябре 1941 года был мобилизован Куйбышевским военкоматом г. Горького и направлен в г. Севастополь. Участвовал в Великой Отечественной войне на Черноморском побережье в 9-й морской бригаде 2-го батальона в качестве командира 9-го пулеметного взвода. Летом 1942 года получил контузию и попал в плен в районе береговой батареи г. Севастополя. Считался пропавшим без вести, был исключен из списков офицерского состава.

В плену в лагерях Германии находился с июля 1942 по апрель 1945 года, когда был освобожден войсками Советской армии. После освобождения участвовал в боях в составе 4-й Армии в районе Ленин–Гольц–Бранденбург–Берлин.

После войны проходил спецпроверку и был демобилизован. Вернулся в Горький, поступил на работу в Облкоопинсоюз. Но 21 мая 1949 года его арестовали прямо на производстве и 13 августа осудили судебной коллегией Горьковского областного суда. Он был осужден на 10 лет с поражением в правах (5 лет) и с конфискацией имущества по ст. 58-3, 58-2 УК РСФСР. Отбывал срок в исправительно-трудовых лагерях г. Салехарда и на о. Сахалине.

В эти нелегкие годы светлым маячком была его верный друг и жена София Васильевна. На ее долю пришлось немало трудностей, особенно морального характера.

7 декабря 1954 года Александр Михайлович был досрочно освобожден и вернулся в Горький. В городе не прописывали. Пришлось жить на Бору, а работать в затоне им. К. Маркса на судоремонтном заводе. Начал работать слесарем, а затем механиком по ремонту судов.

В сентябре 1955 года определением Верховного суда РСФСР приговор Горьковского областного суда был отменен за отсутствием состава преступления.

Александр Михайлович был реабилитирован, воссоединился с семьей. В 1956–1971 годах работал инженером Главугольснаба, инженером управления Совнархоза, главным механиком Горькмебельдревпрома.

Я с благодарностью вспоминаю всех друзей, родных и наших соседей, которые, чем могли, помогали нам в годы разлуки с папой. Мы с 1922 по 1971 годы жили в доме № 20 на ул. Краснофлотской (ул. Ильинская). Дом до революции принадлежал фабриканту М.В. Смирнову. Квартира состояла из двух комнат, разделенных кухней без окон. В квартире был гардероб. Отопление – печное. Пользовались керосинкой либо примусом. Все удобства во дворе, кроме воды. На другой стороне улицы, у дома 21 была колонка.

А.М. Кувакин с друзьями, г. Горький, 1942 год

День ареста папы запомнился мне тем, что пришли работники НКВД, чтобы конфисковать наше имущество. Шифоньер и поеденный жучком буфет по решению суда оставили. Взяли только боевые награды папы. Папа находился до решения судебной коллегии в тюрьме недалеко от площади Лядова. Мы с мамой туда ездили с передачами в определенные дни. Мама опасалась, что нас могут выслать из города.

Надо сказать, что маме везло на встречи с хорошими людьми. Вот одна из многих – Елена Афиногентовна Мельчакова. Светлый человек. Она говорила маме: «Сонечка, ведь и там тоже живут такие же люди». Встреча с Марией Алексеевной Куракиной на колонке и общение с ней переросло в дружбу на долгие годы. В нашем дворе было всего 10 квартир. Жили дружно. Делились радостями и горестями. Тяжелую работу маме помогали выполнять Николай Иванович Груздев, дядя Сережа Комиссаров, мой дядя Николай Иванович Шуралев – муж старшей маминой сестры. В июле 1949 года мама писала заявление о папе в канцелярию Президента Верховного Совета СССР. Ее заявление прошло все инстанции от прокуратуры г. Москвы до прокуратуры войск МВД по Горьковской области. Был получен ответ: «Направляем жалобу по принадлежности».

Семья Кувакиных, май 1949 года

Надо было жить и работать. Родители у мамы крестьяне. Детей было 6 человек. Мама рано уехала из дома и окунулась в самостоятельную жизнь. Окончила Речной техникум и работала на водном транспорте в Волжском пароходстве сначала теплотехником, а потом экономистом финансового отдела. Когда папу арестовали, я закончила 3 класса школы. Мама почти не отдыхала, а меня старалась в летнее время отправлять в пионерлагеря. В нашем доме всегда было людно – жили квартиранты, племянники до получения мест в общежитии, позднее некоторое время жили родители мамы в связи со строительством Горьковской ГЭС. После возвращения папы жизнь вошла в свое русло. Родители работали, я училась. В 1956 году окончила школу и поступила в Политехнический институт. С 1961 г. работала в г. Ставрополь на Волге (Тольятти) инженером-технологом. Возвратилась в Горький через три года и работала на Заводе аппаратуры связи до ухода на пенсию.

Папа награжден Орденом Великой Отечественной войны и медалями. Особенно дорога для него медаль «300 лет Российскому флоту». Папа ветеран Великой Отечественной войны. Мама – ветеран труда. Ее не стало с нами в 2006 году.

Вот такие судьбы сложились у меня и моих родителей.

Людмила Алексеевна МАРКОВА

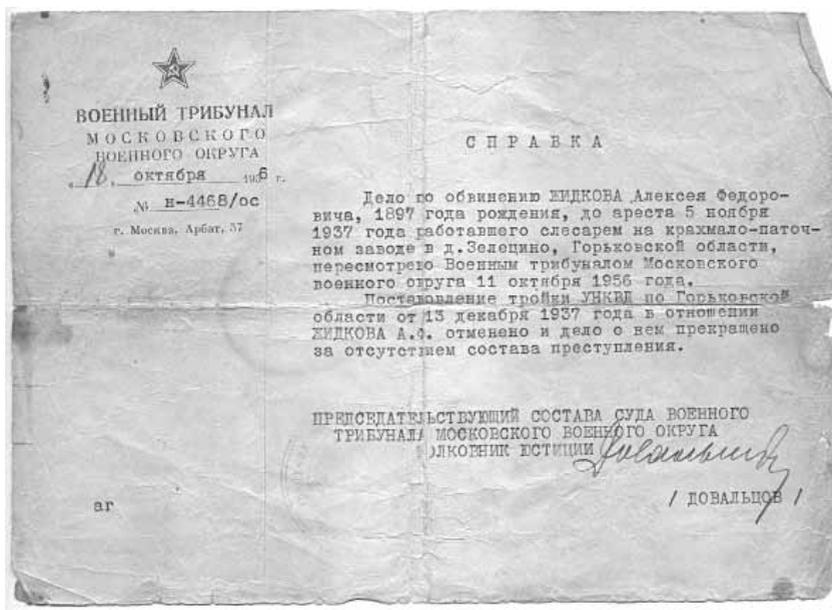
Я родилась в 1932 году в селе Зелецино Кстовского района Нижегородской области. Мой отец Алексей Федорович Жидков, 1897 года рождения, работал слесарем на крахмало-паточном заводе в деревне Зелецино. Он был из большой многодетной семьи.

Ночью 13 декабря 1937 года пришли люди и, ничего не объяснив, забрали отца. Постановлением «тройки» УНКВД Горьковской области по политическим мотивам (ст. 58-7, 58-10 УК РСФСР) отец был осужден на 10 лет. А через несколько лет и маму осудили на год лишения свободы. Но мама написала прошение Сталину, и через 9 месяцев ее освободили.

В ночь ареста отца забрали еще шесть человек – пять мужчин и одну женщину, учительницу школы. Один из них – Терентьев Михаил – только что женился, фамилия другого – Машков. Остальных не помню. Донес на этих людей Макаров Александр Иванович, который работал на том же заводе.

И начались наши муки. Нас звали «врагами народа», на каждом шагу обижали и били. В колхозе, где работала мама (Наталья Андреевна Жидкова), если давали что-то на трудодни, то нам самым последним. А на корм скоту – только остатки, непригодные отходы.

Наш отец вернулся домой весь больной. У него были раны на правом боку, которые не заживали. Его жизнь дома была недолгой, наверное, года два. Все это время он не сидел дома, а работал в МТС, которая находилась на окраине Великого Врага. Зимой он восстанавливал молотилки, а летом все ночи

следил за их работой, ремонтировал прямо в поле. 1947 год был очень голодным, и отец ушел из жизни.

В Великий Враг я ходила в МТС, когда там к празднику давали полкилограмма пшена, муки и какого-то синего спирта. Мне в это время было 13 лет. Я ходила через Вишенки, затем через Лукерьино до Великого Врага. А на переходе от Вишенок к Великому Врагу был большой овраг. На его краю был лагерь заключенных. Там сидела и моя мама. Я каждый день бегала к маме, много плакала, и охранники меня жалели и пускали к ней в лагерь.

Определением Военного трибунала Московского военного округа от 11 октября 1956 года постановление «тройки» от 13.12.1937 года в отношении Жидкова А.Ф. было отменено. Дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Отца реабилитировали, но он до этого дня не дожил и этого не знает. Вот так людей истребляли ни за что.

Наталья Андреевна Жидкова

В 1991 году вспомнили и о нас. На основании ст. 2 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года я и мои сестры признаны пострадавшими от политических репрессий и реабилитированы. Но только 18 июня 2001 года мы получили удостоверения. До этого никаких льгот, положенных нам по закону, мы не получали.

После ареста отца мама осталась с четырьмя детьми, старшей было 18 лет, она работала в колхозе и рано умерла. Среднюю сестру в 16 лет отправили на лесоповал, ее там убило упавшим деревом. Сейчас нас осталось двое. Обе живем в Кстове, у каждой своя семья.

Элеонора Кондратьевна МЕРЕКИНА

Я родилась 21 июля 1941 года в Саратовской области. Папа Кондрат Андреевич Гельвих (1905 г.р.) был этническим немцем. Я знаю о первых годах своего детства только со слов взрослых. В августе 1941 года моих родителей и всех поволжских немцев выселили в Казахстан, на Алтай или в Сибирь. Люди оставляли свои ухоженные дома, все имущество. Всех посадили в товарный поезд, где возили скот, прямо на солому и повезли кого куда. Наша семья попала в Кулунду, село Григорьевское. Вскоре папу забрали в трудармию в Новосибирск. В 1944 году ему разрешили перевезти туда всю семью. Так мы попали в Новосибирск, где в 1945 году умерла мама, оставив папу с четырьмя детьми. Вскоре он женился на маминой сестре Амалии Егоровне Винтер, у которой было двое своих детей. В 1946 году у них родилась наша общая сестренка Эльвира, позднее еще две – Лариса и Ира. Вот такая была у нас большая дружная семья, пока был жив папа. После его смерти мама с дочкой Ларисой переехала в Германию, где прожила до 2012 года.

Трудно, очень трудно было родителям. Папа работал на инструментальном заводе в Новосибирске, в горячих печах, где заработал себе астму. Мама была дома – растила и воспитывала нас. Мне всё нравилось. Жила наша семья в щитковых домах, где дружно, делясь друг с другом, жили евреи, немцы, поляки и русские. Никто никого не унижал.

С волнением вспоминаю время после войны, когда в наше поселение пригнали пленных немцев, работавших в угольном тупике завода. Отчётливо помню, как один из пришедших к

Семья Гельвих Новосибирск 1954 год

нам в дом рисовал портрет нашей родной мамы. Позировал ему старший брат, так как фотографии ее не осталось, а его лицо было – копия маминого (так сказал папа). Мы не понимали немецкую речь, потому что говорили только по-русски. Я так и не выучила немецкий язык, для меня русский был и остается родным языком!

Я окончила только 9 классов в школе № 97 Октябрьского района Новосибирска. После школы переехала к родителям в село Белое Карасукского района. Работала летом в поле, помогала телятницам, да и дома доставалось, так что не до учебы было. Но в жизни села я была активной, участвовала в работе клуба, в самодеятельности, ходила в библиотеку, была активной комсомолкой. Позже меня назначили завклубом в село Морозовка, правда, через год сократили, поскольку из города приехала студентка с дипломом культпросветучилища. Она посоветовала мне уехать в город, но паспорта нам не выдавали. Но выход нашелся – в 1960 году я вышла замуж и уехала в Горьковскую область (ныне Нижегородскую). Моя насыщенная трудовая биография началась в 1969 году в городе Семёнове. Я окончила медицинские курсы, по-

шла работать медсестрой в детский сад. Потом заочно окончила техникум, 13 лет до пенсии проработала проводницей на железной дороге. До сих пор являюсь участницей хора ветеранов, народного хора при Доме культуры города Семенова. Здесь я 33 года счастливо прожила во втором браке с Григорием Ивановичем Мерекиным. Есть сын, две внучки и внук. Оглядываясь с высоты своих 72-х лет в прошлое, думаю, что я и жила, и живу счастливой жизнью. В нашей жизни вообще не должно быть места унынию.

Анна Яковлевна ОХОНЬКО

Я родилась 8 августа 1937 года в селе Уян Харикского района Иркутской области в семье Якова Прокопьевича и Елены Исааковны Горностаевых (год и день рождения родителей не помню). Семья была большая, нас, детей, было 7 человек: Елена (родилась в 1910 году, умерла в возрасте 102 лет), Михаил (1921 г.р.), Мария (1924 г.р.), Федор, Соломея, Зоя (1930 г.р.) и я, Анна.

До 1930 года, по рассказам мамы и старших сестер, мы жили своим хозяйством, имели двух коров, лошадь, плуг, огород, деревянный дом. Нашу семью раскулачили в 1930 году на основании Постановления СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930 г., потому что отец отказался вступить в колхоз. Забрали коров, лошадь и причислили к разряду кулаков. Отец должен был кормить семью, поэтому устроился на работу в Иркутский зерносовхоз (он находился в нашем же селе) конюхом и работал в этой должности до ареста в сентябре 1937 года.

Как вспоминали мама и сестры, нашего отца арестовали ночью и увезли в неизвестном направлении. Мне тогда было 2 месяца. Мама утром после ареста отца пошла узнавать, куда увезли мужа, но никто не говорил правды, ее просто выгнали, поставив клеймо жены «врага народа».

Сколько ни ждали, отец не вернулся, а семья, один другого меньше, стала голодать. Мама пошла проситься на работу в зерносовхоз, но ее не принимали. Только впоследствии, когда много мужчин уже было арестовано по доносам, ее приняли ко-

Елена Исаковна Горностаева

нюхом. Вот я и росла на конюшне, грелась возле лошадей и спала на уздечках да на седлах с хомутами.

Мама, не переставая, пыталась узнать, где все-таки находится муж, и по каким-то сведениям определила, что он сидит в иркутской тюрьме. В 1940 году она отправила туда посылку с продуктами и вещами. Однако посылка вернулась назад, почтальон ее привез на санях. Когда посылку вскрыли, там оказались кирпичи. С мамой случилась истерика, она не могла вынести такого унижения и оскорбления человеческого достоин-

ства. Этот случай я запомнила на всю жизнь, мне было 3,5 года.

Брат Федор и сестра Соломея умерли еще до ареста отца, потому что не была своевременно оказана медицинская помощь. Такие случаи были нередки, особенно в глубинке Сибири.

Старших сестер Елену и Марию в школу не приняли как детей «врага народа». Не имея возможности учиться, они уехали работать в Иркутск.

Брат Михаил в 1938 году вместе с мамой уехал в Иркутск поступать в школу военных техников (ШВТ), но из-за того, что он сын «врага народа», его принимать не хотели, мама кое-как упростила начальника школы, чтобы Михаила взяли учиться, не ломали ему жизнь. Начальник ШВТ взял ответственность на себя, и брата приняли. Михаил в 1941 г. был призван на фронт, но вскоре как военный специалист оказался в Челябинске на военном заводе. Из писем родные узнавали о его круглосуточной работе.

Во время войны жили плохо, голод был повсеместно, карточек на хлеб не выдавали как семье «врага народа», питались тем, что давала тайга: орехи кедровые, грибы, ягоды. Работали на токах зерносовхоза все поголовно, включая детей и стари-

ков, перелопачивали зерно, чтобы оно «не горело». Если же зерно где-то подгорает, то это зерно бракуют и немного можно взять для себя. Кашу варили из муки, клали в кашу тыкву. Сейчас я на тыкву смотреть не могу, а тогда больше есть было нечего. Картошку я научилась чистить и готовить из нее (варить, жарить) уже в 5-летнем возрасте. Вместе с сестрой Зоей пилили в тайге дрова двуручной пилой, а потом их перевозили в село, если давали лошадь. Кололи дрова колуном, кое-как его поднимая.

Послевоенные годы были несколько не лучше военных: голодали, ели «чумизу» и «гальян» – это что-то из бобовых культур.

В 1947 году брат Михаил участвовал в строительстве железнодорожной ветки Тайшет – Лена. Рабочей силой этого строительства были военнопленные японцы. В это время мама, Зоя и я переехали к нему в Тайшет. Я и сестра Зоя жили и учились в интернате г. Тайшета 2 года, а мама жила у Михаила. По мере строительства дороги мама и брат Михаил постепенно удалялись от Тайшета, а мы с сестрой по окончании учебного года пешком по шпалам ходили «домой», который постоянно передвигался.

Когда была построена станция Невельская, мама, Зоя и я остались жить на этой станции, там я окончила 3-й класс. Военнопленные японцы брали воду из ближайших речек и озер, при этом ловили лягушек, считая их деликатесом. У них в «зоне» был порядок, все прибрано и разложено по полочкам. На работу и с работы ходили четким строем. Имели при себе разноцветные растягивающиеся бинты. Некоторые из японцев уже понимали и говорили по-русски, хотя был там и переводчик. Подходило время, когда им была предоставлена возможность вернуться на родину в Японию, они говорили «скоро Токио».

После отъезда японцев строительство железной дороги было поручено ГУЛАГу – тоже «зона», но строили уже «предатели», «враги народа». Железная дорога продвигалась дальше, и мы добрались до д. Шестаково Нижне-Илимского района Иркутской области (теперь это железнодорожная станция Затопляемая).

Там я училась в школе и окончила с 4 по 7 классы.

На досуге вспоминаю голодные послевоенные годы, как в тайге копали огороды, сажали там картошку, овощи. Мама научилась класть русские печи, а мы с Зоей ей помогали – надо было как-то выживать. Мама на станции Затопляемой купила корову, ее надо было пасти в летнее время даже до часу ночи, чтобы мошकारа не мешала.

После 7 класса поступила в Иркутский сельскохозяйственный техникум на бухгалтерское отделение и в 1956 году его окончила. Была направлена молодым специалистом в совхоз «Углегорский» на о.Сахалин. Работала бухгалтером, затем перешла на шахту «Углегорская», в качестве породовыборщицы сортировала каменный уголь для отправки за границу. Шахта бывшая японская. Жили в японских бараках, получили квартиру только в 1985 году.

В 1957 году вышла замуж за Анатолия Алексеевича Охонько, моего ровесника. Он больше 40 лет работал комбайнером на шахте «Ударновская».

Брат Михаил и мама похоронены на станции «Вихоревка», т.е. на «трассе».

На Сахалине я 20 лет работала на одном предприятии, заслужила звание «Ветеран труда». Затем вышла на пенсию и в 1993 году переехала в г. Кстово Нижегородской области.

Мужа схоронила в 1996 году, у меня есть дочь Ольга 1958 года рождения. Она инвалид 2-й группы после инсульта, живет тоже в Кстове. Дочь требует ухода. Цены на лекарства непомерно высокие, поэтому продолжаю работать в стоматологической поликлинике.

В 1954 году получили справку о реабилитации отца. Но сколько ни делали запросов в различные инстанции о времени смерти отца и о месте его захоронения, не можем добиться сведений. Есть предположение, что захоронение может быть в районе иркутского аэропорта, но точно ничего не известно. Долго ли бывшее НКВД будет хранить эти тайны? Это только Богу известно... и властям.

Любовь Романовна СКОМОРОХИНА

Мои родители – Татко Роман Михайлович (1905 г.р.) и Матрена Самуиловна (1910 г.р.) – родом из деревни Стектовцы Житомирской области. В 1934 году они вместе со своими родными были репрессированы и вывезены в разные места Советского Союза. Семью и родственников отца отправили на север Амурской области, где морозы доходили до -45°C (это после теплой Украины!). Родителей мамы и ее двух сестер отправили в Сибирь в разные места Томской области. В поезде, а котором семья ехала в ссылку, умерло двое детей: мой братик-грудничок и дядин ребенок.

Мы с сестрой родились уже в Амурской области (я в 1936 году, а сестра 1941-м), в глухом поселке Северный, которого и на карте-то нет. Жителями поселка в основном были репрессированные, кое-какое начальство и надзорные. Чтобы занять пригнанных людей работой, местные власти стали организовывать драги(золотодобыывание). Мама ходила с лотком добывать это трудное золото. За весь день сил затрачивалось много, а результат был мизерным или нулевым. Отец вынужден был ездить на заработки на прииски. Работали родители много, а получали мало. Жили мы бедно, трудно. Надо было и бараки строить, и кочки разрабатывать под огороды.

В детстве у меня не было куклы. Ее заменяла деревянная планка с нарисованным на ней лицом, а вместо игрушек были камушки и стеклянные осколки. Да, игрушек у нас не было, зато была ртуть. Мы выливали ее на пол, палочкой разбивали

Семья Татко Амурская область
поселок Северный 1945 год

на мелкие шарики, а затем этой же палочкой все шарики сгоняли в одну большую кляксу и загоняли обратно в бутылку. О вредности ее тогда никто не говорил. В семилетнем возрасте от пневмонии умерла моя сестра. Я очень тяжело пережила ее смерть. Не знаю, то ли пневмонию в нашем поселке не лечили, то ли мы были люди второго сорта...

В школу я пошла в 1944 году. Обуви не было. На одной ноге

был ботинок, на другой – сандалия. Первое пальто мне купили в 17 лет. До этого были фуфайки (сейчас их называют телогрейками). В наше захолустье привозили очень мало товаров, да и те распределялись по своим. Не было у нас ни кино, ни библиотеки. Когда мне было 10 лет, в наш поселок приехала грузовая машина с дымящейся трубой. Дети впервые увидели машину и с таким восторгом встречали это «диво», что шофер, умиляясь радости детей, посадил нас всех в кузов и провез несколько метров. Этот момент навсегда остался в памяти. Спустя много лет, когда мы встречали Юрия Гагарина в Хабаровске, в душе было такое же ликование, как в детстве при виде той машины.

Поскольку в нашем поселке школа была до четвертого класса, с пятого по десятый класс мне пришлось учиться в Майской школе на прииске Майск, где я жила в интернате. По окончании школы в 1955 году мы с одноклассницей Валентиной Евсеевой (тоже из репрессированных) поехали поступать в пединститут в Комсомольск-на-Амуре. И на первом же экзамене – сочинении обе получили неудовлетворительные оценки.

Любовь Татко
и Валентина Евсева
1957 год

Нас быстро вычислили, так как мы приехали из места поселения репрессированных. А значит, – отпрыски «врагов народа». Возвращение в глухой таежный поселок мы сразу же исключили и отправились в строительный техникум. Нас взяли сразу на второй курс без экзаменов. Через три года мы успешно окончили техникум и разъехались по разным городам. Я работала в Хабаровске лаборантом строительных конструкций, проектировщиком в Военпрокте. В 1966 году мы приехали в Кстово. Сначала в гости, а потом переехали насовсем. Муж устроился на работу в Кстовский горисполком геодезистом. Через год нам дали новую квартиру. Перемена климата благоприятно сказалась на сыне, он перестал болеть. Я устроилась в банк на должность старшего инженера, где проработала 27 лет. В 1994 году окончила свой трудовой путь.

Моя одноклассница Валентина Алексеевна Евсева живет в Москве, где большую часть своей трудовой жизни проработала в строительной сфере. Когда встречаемся, всегда первый тост поднимаем за пединститут, который нас когда-то «не принял». Все же мы обе в жизни состоялись. Обе официально реабилитированы.

У меня большая семья: два сына, две невестки (дочери), четыре внучки и один правнук. Сыновья и невестки получили высшее образование, живут самостоятельно в Кстово, имеют квартиры и работу.

Тамара Никоноровна СУЧКОВА

Я родилась в 1924 году в городе Горьком. Мой отец, Никонор Федорович Пересыпин (1884–1938), тоже горьковчанин. Он работал слесарем на заводе «Красное Сормово», а мама, Мария Александровна, вела домашнее хозяйство. В нашей семье было четверо детей: два мальчика и две девочки. Я была младшей. Отец нас очень строго воспитывал, особенно сыновей. Мы жили в собственном доме в Сормове. У отца были «золотые руки» – он сам построил дом и все, что было в нем, сделал своими руками.

Первый раз отца арестовали 17 октября 1930 года и решением «тройки» приговорили к 5 годам лагерей по статье 58-10 и 58-11. Мне было 6 лет. Помню, приехали двое мужчин в шляпах с большими полями, предъявили ордер на обыск. Искали библию (отец был верующим человеком). Помню, она была толстая, с деревянной обложкой. Мужчины требовали отдать библию добровольно, но отец отвечал, что ее у него нет. Нас выпроводили на улицу, продолжали искать. Но библии действительно дома не было, ее попросил почитать сосед. Отца увезли. Вернулся он домой только в конце 1936 года. Через год, 3 ноября 1937 года его вновь арестовали и осудили на 10 лет лагерей по тем же статьям. Больше мы его не видели. Мы с мамой ездили в тюрьмуна окраину города в надежде что-то узнать. Но летом 1938 года нам прислали извещение о том, что отец скончался в тюрьме10 июня. Помню, мы с мамой поехали на Бугровское кладбище, чтобы отдать последнюю дань памяти

Тамара Сучкова, 12 лет

отцу. Мы подошли к женщине (это была монашенка, вся в черном) и мама спросила, где хоронят заключенных. Женщина рассказала, что днем роют братскую могилу, а ночью хоронят – кладут их в одном белье штабелями...

У мамы было всего два класса образования. После ареста отца она пошла на курсы и научилась прекрасно шить и вязать. Не только обшивала всю семью, но и зарабатывала этим. До сих пор я с удовольствием ношу некоторые вещи, сшитые или связанные руками моей мамы. В годы Великой Отечественной войны мама работала в госпитале прачкой, а я, как могла, ей помогала, гладила белье. Мы считались «врагами народа» и, конечно, пенсию не получали. Мне пришлось идти на работу после 7 классов школы. Сначала я была ученицей в сормовском банке. Без отрыва от производства окончила курсы бухгалтеров, в 1964 году окончила Всесоюзный заочный учетно-кредитный техникум Госбанка СССР, постепенно «выросла» до заместителя главного бухгалтера. В 1952 году я вышла замуж. С мужем мы счастливо прожили вместе 43 года. К сожалению, его уже нет. У нас двое детей, четыре внука и семь правнуков (старшая – студентка, младшему – 1 месяц).

Я работала до 2013 года, постоянно занималась общественной работой: была председателем месткома профсоюза банка, членом обкома профсоюза госпредприятий. Я – ветеран Великой Отечественной войны, Ветеран труда. Награждена медалью «За победу в Великой Отечественной войне». Очень люблю театр, книги, свою дачу, где выращиваю много разных цветов. И, несмотря на все беды и обиды детства и юности, я – счастливый человек.

Нина Николаевна ШАДРИНА

О жизни своих близких в тяжелые годы репрессий я знаю со слов родителей, Марии Станиславовны и Николая Семеновича Батраковых. Они прожили вместе 66 лет. Мама родилась в Красноярском крае в 1921 году, папа был на три года ее моложе. У отца мамы Станислава Станиславовича, считавшегося в то время зажиточным крестьянином, была большая семья: жена Надежда Михайловна и пятеро детей. Как говорят в народе, дед мой был на все руки мастер. Сам построил дом, баню, кузницу. Содержал две лошади, корову, свиней, птицу разную. Сеяли и убирали хлеб, было у них свое гумно, где они молотили и мололи зерно на муку для выпечки хлеба. Двор дома примыкал к тайге. Мама рассказывала часто, как ходила в лес: собирала ягоды, грибы, орехи кедровые. Очень любила ребенком петь песни, когда по тайге гуляла. Потом, уже взрослой, была солисткой в хоре. Семья полностью во всем себя обеспечивала. Маме запомнился вкус чистой родниковой воды. Она рассказывала: «Наедемся орехов, ягод, водой запьем и сыты. Ничего другого и не хотелось». На зиму они много заготовок делали, грибы и капусту солили в бочках.

Так бы и продолжали дружно жить да детей растить, но грянули годы репрессий. Деду предложили в колхоз вступить и отдать туда всю скотину. Он отказался. Тогда его с семьей насильно вывезли в Красноярск, забрав все имущество. Определили в барак с такими же вынужденными переселенцами, как и они. Спали все на полу, есть было нечего, в бараке было хо-

Мария Станиславовна
и Николай Семенович
Батраковы

лодно, много крыс, которые нападали на людей. Деда заставили работать на лесопилке, вычитая из зарплаты проценты «за кулачество». Вскоре у него умерла жена, моя бабушка, и двое младших детей. Дед остался один с тремя ребятами. Мама хорошо помнила, как трудно они переживали голод и лишения.

Но жизнь брала свое.

В Красноярске мама встретила и полюбила моего папу Николая. Он приехал в Красноярск из Ставропольского края, тоже как в ссылку. Накануне Великой Отечественной войны в 1941 году родители поженились, зимой у них родился сын. Папа ушел на фронт, прошел всю войну. Мамина любовь сберегла его. Отец был военным, служил в Восточной Германии, Казахстане, Экибастузе, Ставрополе. Он был очень жизнерадостным человеком, до 70 лет работал в отделе кадров краевой больницы.

Мама образования никакого не получила (два класса школы). Сама поступила на курсы кройки и шитья, потом работала закройщицей в ателье. Свою работу любила. Фотография ее постоянно висела на городской доске почета. Я до сих пор ношу одежду, сшитую милыми маминими ручками.

Я родилась 12 октября 1950 года в Ивано-Франковске. В 1972 году поступила в Московский институт нефтехимической и газовой промышленности. По окончании института была направлена в Оренбург на Всесоюзную ударную комсомольскую

стройку – Оренбургский газоперерабатывающий завод. В 1980 году моя семья переехала в город Кстово Нижегородской области, где мы с мужем устроились на нефтеперерабатывающий завод (ныне ЛУКОЙЛ). Он был главным техником, а я сначала работала в его отделе, позже стала начальником планового отдела. У нас с мужем двое детей.

Я рада, что родилась у таких замечательных людей, счастливо проживших вместе больше полувека, несмотря на столько выпавших на их долю трудностей и невзгод. Пусть нынешнее поколение живет в согласии друг с другом и с окружающим миром. Любви всем, радости, гармонии и счастья в семье.

Ибрагим Губадович ШАХВЕРДИ

У меня сложная жизнь была. Мой отец Губад Шахверди (1908–1990 гг.) родился в Иране, по национальности перс. Он всемирно известный борец, выступал на аренах цирков во многих странах, в том числе в России и Нижегородской губернии. В 1932 году влюбился в горьковчанку, мою маму, женился, купил квартиру и остался жить в Горьком. Стал работать сапожником. Руки у него были «золотые», поэтому отбоя от заказчиков не было. Родители нас с братом любили, все были счастливы.

В октябре 1938 года (в период «ежовщины») наша семья, состоящая из четырех человек, подверглась жестоким политическим репрессиям как семья иранских подданных. Без суда и следствия Особым совещанием НКВД («тройкой») мы были осуждены по ст. 58, п.п. 6, 7, 8 УК РСФСР и высланы в спецпоселение НКВД в поселок Семиозерный Кустанайской области Казахской ССР сроком на 10 лет. Наша квартира и все наше имущество были конфискованы.

В 1948 году мы вернулись в Горький и сразу же обратились в ОВиР с просьбой о возврате нашей незаконно изъятой квартиры. В те далекие времена все вопросы, касающиеся иностранцев, решались в ОВиРе. Но сотрудники КГБ (ОВиРа) вместо возврата квартиры выслали нашу семью еще на 12 лет за пределы Горького – в Павлово на Оке. Все эти годы мы ютились на съемных квартирах. Мы с братом каждый день тайно ездили на учебу в г. Горький автостопом, так как в Павлове не было высших учебных заведений, а денег на проезд у нас не было. По

возможности иногда ночевали у друзей или на вокзале, а летом частенько на скамейке в парках.

В 1960 году проживание иностранцам за пределами Горького отменили, и мы вернулись на малую родину, где снова стали жить на съемных квартирах без всяких удобств (полуподвалы, подвалы с постоянным электроосвещением в течение 24-х часов).

Я окончил Горьковский медицинский институт, брат – Горьковский политехнический институт, он доктор технических наук, профессор, работал в том же институте, где учился. Моя жена окончила Горьковский университет им. Н.И. Лобачевского и вплоть до пенсии работала научным сотрудником в Институте химии.

В 1997 году я получил свидетельство «О реабилитации жертв политических репрессий», которое в январе 2004 года было заменено на свидетельство нового образца за номером А392573.

В нем указывалось, что предъявитель этого свидетельства имеет право на различные льготы, в том числе на жилье, установленные статьей 16 Закона РСФСР. В 1997 году я обратился с заявлением в администрацию Нижегородского района Нижнего Новгорода с просьбой возместить мне жилье, изъятое у нашей семьи по решению «третейского суда» в 1938 году. В декабре 1997 года отдел по учету и распределению жилья сообщил мне письмом, что постановлением главы администрации за № 713 от 22.12.1997 г. я поставлен на учет. Мой учетный номер 16.

В итоге сейчас 21 век, а квартиры нет, и света в конце тоннеля не видать...

Михаил Ильич ШЕВЧУК

Мой отец Шевчук Илья Ефимович родился в 1899 году на Украине. Семья переехала в село Черновка Кочковского района Новосибирской области. До ареста отец работал в колхозе имени Калинина конюхом.

В марте 1938 года он был арестован по доносу. Постановлением президиума Новосибирского суда от 15.08.1959 года решение «тройки» УНКВД Алтайского края от 15.02.1938 года в отношении Шевчука Ильи Ефимовича отменено, дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Где он отбывал срок, мы не знаем, где умер, неизвестно – похоронку не прислали. Возможно, это были Магадан или Кольма.

Моя мать Шевчук Федора Константиновна, 1901 года рождения, работала в том же колхозе им. Калинина. В Черновке было два колхоза на одной стороне поселка и позднее созданный колхоз «Передовик» – на другой стороне. В нашей семье было семеро детей, поэтому перед началом войны нам дали дом побольше около колхоза «Передовик», и все члены семьи стали работать в нем.

Несколько слов о моих братьях и сестре.

Брат Яков Ильич, 1919 года рождения, умер во время Великой Отечественной войны в госпитале в 1945 году. Брат Василий, 1922 года рождения, был на фронте танкистом, сгорел в танке в 1944 году (до войны работал трактористом в колхозе «Передовик»). Брат Николай, 1925 года рождения, был на фронте, погиб и похоронен в братской могиле в селе Соснов-

Илья
Ефимович
Шевчук

Федора
Константиновна
Шевчук

ское Житомирской области. Сестра Мария, 1927 года рождения, до войны работала в колхозе трактористкой.

А теперь о себе. Я родился в 1929 году, работал в колхозе «Передовик» конюхом и на всех подсобных работах. В 1949 году правление колхоза отправило меня на учебу в ФЗО в поселке Киселевка Афонинского района Кемеровской области. После окончания получил специальность штукатура и был направлен на шахту № 13, где и приступил к работе в сентябре 1949 года. Перед этим я заехал в п. Черновку к маме. К нам пришел председатель колхоза и посоветовал, чтобы я забрал мать из колхоза, так как ей стало тяжело работать там, где все напоминало об отце. Но я смог перевезти маму, сестру Валентину (1935 г.р.) и брата Александра (1937 г.р.) в Новокузнецк Кемеровской области только через три года. В Новокузнецке я работал в Куйбышевском шахтостроительном управлении штукатуром-маляром. С 1964 по 1965 был в командировке в Монголии, работал плиточником. С 1965 года и до выхода на пенсию в 1989 году был бригадиром штукатуров-маляров. Брат работал кузнецом на Кузнецовском металлургическом комбинате, сестра там же работала контролером.

В 2005 году переехали в Кстово, купили квартиру. 10 лет назад не стало жены. Дочь работает на заводе, внучка – студентка, живем вместе. Награжден юбилейной медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Алфавитный указатель
авторов очерков, вошедших в 1–10 сборники
серии «Линия судьбы». Воспоминания детей «врагов народа»

	Сборник	Стр.
А		
Августопольская Маргарита Людвиговна.....	2	3
Александров Леонид Николаевич	5	3
Алкацева Людмила Деболаевна	9	3
Андрианова Елизавета Ивановна	6	3
Андрютина Анна Петровна	9	7
Арбузова Зоя Викторовна.....	3	5
Ароян Норай Гургенович.....	8	3
Б		
Бакунов Иван Васильевич	8	8
Балакина Мария Ивановна	2	5
Баранова Алевтина Михайловна.....	10	3
Баталова Зинаида Семеновна	4	36
БAUDIS Татьяна Сергеевна	1	29
Безобразова Ираида Ивановна	6	5
Белавина Евдокия Павловна.....	9	9
Булганина Нина Ивановна	9	11
Бызова Зоя Даниловна.....	5	7
В		
Вагина Раиса Фёдоровна.....	1	50
Васяева Людмила Петровна	2	8
Вершинина Мария Петровна.....	4	56
Волкова Анна Леонтьевна.....	4	59
Волкова Нина Петровна	5	9
Волковицкая Вера Борисовна	5	14
Высоцкая Софья Ефимовна	4	9

Г		
Гаврилова Зинаида Андреевна.....	9	17
Голосунова Тамара Александровна	2	12
Гонова Эльвира Ивановна	1	4
Гофман Герман Германович	8	12
Грубина Валентина Григорьевна.....	9	20
Губина Тамара Петровна	8	16
Гуляева Мария Александровна.....	2	17
Гуськова Мария Федоровна	8	19
Гутько Светлана Георгиевна.....	9	26

Д		
Деречинская Елена Львовна	2	20
Дехтяр Борис Акимович	4	18
Дмитриева Вера Ивановна.....	5	17
Дойников Владимир Аркадьевич	7	3
Дойников Владимир Аркадьевич	8	23
Долгачева Наталья Романовна	6	8
Долгачева Наталья Романовна (поэзия).....	7	9
Дорофеева Татьяна Константиновна	1	39
Дугина Инна Николаевна	10	4
Дурасова-Горн Майя Семеновна.....	4	3

Е		
Егорова Нина Георгиевна	3	10
Ефимова Ангелина Ивановна	6	16

Ж		
Жестков Евгений Александрович	3	15
Жильцов Владимир Иванович.....	7	16

З		
Завальнюк Нина Васильевна.....	8	35
Зевакина Жанетта Михайловна	1	47
Зеленова Лидия Васильевна.....	6	23
Земляничная Антонина Архиповна	8	41
Зернов Юрий Аркадьевич.....	8	45

И

Ильина Галина Александровна..... 5 19

К

Калугина Лариса Алексеевна 10 10
Карчемагина Лидия Емельяновна 9 29
Кирпичникова Инна Анатольевна 6 26
Кича Надежда Ивановна 10 14
Козлов Лев Иванович (проза)..... 5 35
Козлов Лев Иванович (поэзия) 7 24
Козлова Валентина Федоровна..... 10 19
Колбасова Вера Игнатьевна 10 23
Комлева Юлия Семеновна 4 3
Корнилов Борис Петрович..... 7 30
Кочина Екатерина Николаевна..... 4 65
Кувакина Эльвира Александровна 10 26

Л

Лаврентьева Вера Викторовна..... 6 38
Лапеко Валентин Кириллович..... 2 31
Лапина Ольга Михайловна..... 9 32
Левашова Майя Иосифовна 2 36
Левашова Майя Иосифовна (поэзия)..... 7 36
Лешкович Станислав Константинович 9 41
Лисин Борис Павлович 1 24
Лобода Нинель Петровна 2 39

М

Малкина Людмила Федоровна 3 26
Маркова Людмила Алексеевна 10 30
Марсак Галина Александровна..... 9 50
Маршева Валентина Александровна..... 5 40
Мерекина Элеонора Кондратьевна..... 10 33
Миляев Петр Васильевич 6 41
Михайлова Галина Александровна..... 8 50
Мордвинова Елена Валентиновна (о семье Асмус) ... 3 30
Мустафина Сара Шагимардановна 2 90

Н

Неймарк Юрий Исаакович	7	40
Нуждина Зоя Мироновна	3	33
Нуждина Зоя Мироновна (поэзия)	7	46

О

Окунева Галина Ивановна	3	40
Окунева Галина Ивановна	7	51
Орлова Людмила Александровна	2	41
Охонько Анна Яковлевна	10	36

П

Паценкер Клара Гершевна	6	45
Перевышина Валентина Ивановна	7	57
Печенева Екатерина Георгиевна	6	51
Половинкин Владимир Васильевич	4	49
Полянская Дина Васильевна	2	58
Полянский Николай Павлович	2	46
Помазов Виталий Васильевич	7	60
Пономарев Владимир Леонидович	6	65
Пономарев Сергей Михайлович	7	67
Пономарева Елена Александровна	7	72

Р

Рабинович Зинаида Генриховна	5	48
Разумак Эльвира Абхаировна	9	63
Разумова Маргарита Андреевна	2	63
Рогачева Эвелина Даниловна	4	26

С

Сазонова Элеонора Дмитриевна	5	54
Саматова Фаина Зиннатовна	8	58
Сафьянова Елена Михайловна	2	66
Симановская Вера Николаевна	4	31
Синева Надежда Николаевна	2	73
Сипев Сергей Николаевич	1	32

Скоморохина Любовь Романовна.....	10	40
Соловьева Вера Степановна.....	5	58
Сосулина Инна Алексеева.....	3	45
Строкин Геннадий Афанасьевич.....	5	69
Строкин Геннадий Афанасьевич (поэзия).....	7	76
Сучкова Тамара Никоноровна.....	10	43
Сыркин Павел Эммануилович.....	4	72

Т

Таран Евгения Константиновна.....	9	68
Томбак Виктор Юльевич.....	4	47
Томбак Кира Петровна.....	4	43

У

Уткина Нина Егоровна.....	1	45
Ушаков Святослав Михайлович.....	3	52

Ф

Фаворская Инга Михайловна.....	2	75
Федорович Елена Зиновьевна.....	2	84
Фролова Нина Михайловна.....	3	59
Фрязинов Олег Петрович.....	3	62
Фрязинов Олег Петрович (поэзия).....	7	80

Х

ХажаяеваНурияШагимардановна.....	2	90
Хисматуллина Татьяна Васильевна.....	3	66

Ч

Чарушниковая Наталья Павловна.....	2	96
Черкашин Александр Семенович.....	1	14
Черкашин Александр Семенович (поэзия).....	7	93

Ш

Шадрин Александр Иванович.....	3	69
Шадрина Нина Николаевна.....	10	46

Шардт Александр Иосифович	7	94
Шахверди Ибрагим Губадович	10	49
Шевчук Михаил Ильич	10	51
Шопина Зоя Андреевна	8	62
Шор Эстелла Моисеевна	1	18
Шурухина Мая Яковлевна	1	34
Шурыгин Иван Васильевич	2	100
Щ		
Щеглова Галина Моисеевна	2	101
Ю		
Юрков Александр Николаевич	5	74
Я		
Ярихович Эдуард Сильвестрович	4	52
Яценко Мария Александровна	6	77

СОДЕРЖАНИЕ

Баранова Алевтина Михайловна.....	3
Дугина Инна Николаевна.....	4
Калугина Лариса Алексеевна.....	10
Кича Надежда Ивановна.....	14
Козлова Валентина Федоровна.....	19
Колбасова Вера Игнатьевна.....	23
Кувакина Эльвира Александровна.....	26
Маркова Людмила Алексеевна.....	30
Мерекина Элеонора Кондратьевна.....	33
Охонько Анна Яковлевна.....	36
Скоморохина Любовь Романовна.....	40
Сучкова Тамара Никоноровна.....	43
Шадрина Нина Николаевна.....	46
Шахверди Ибрагим Губадович.....	49
Шевчук Михаил Ильич.....	51
Алфавитный указатель авторов очерков, вошедших в 1–10 сборники серии «Линия судьбы». Воспоми- нания детей «врагов народов».....	53

ЛИНИЯ СУДЬБЫ
Воспоминания детей «врагов народа»

Десятый сборник

*Мнение авторов сборника может не совпадать
с мнением редакции*

Формат 60×84 1/16
Тираж 200 экз. Заказ № 490.

Отпечатано в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Б. Покровская, 37